

Умывание

Эта девочка умеет радовать. Сун Тинчжу невольно улыбнулся.

Сяомэй готовила обед, Ся гэр помогал.

— Не волнуйся, я умею готовить!

Она ловко жарила капусту, разбила яйцо.

— Ешь зелёный лук?

— Всё ем.

— Ся гэр, принеси лук.

— Хорошо!

Мальчик побежал и вернулся.

Сун Тинчжу невольно следил за его причёской — и удивительно, она не распалась.

— У меня грязь на лице?

— Нет.

Он подвинул яйца к центру, но Сяомэй вернула обратно. Он улыбнулся и раздал им по кусочку. Ся гэр радостно закачал ногами.

— Ешь, как вкусно — и другим захочется.

— Тогда ешь больше! Я брату не скажу!

Он кивнул. Это тепло... Он давно его не чувствовал.

После смерти матери дом перестал быть домом.

— Если не будешь есть — скажу брату!

Он улыбнулся и съел кусочек:

— Очень вкусно.

Сяомэй смутилась:

— До мамы далеко...

— Ещё немного — и превзойдёшь её.

— Правда!

— И Ся гэр так думает~

Сун Тинчжу рассмеялся. После еды они уснули. Когда взрослые вернулись, дети ещё спали.

Ся гэр проснулся и выбежал:

— Мама! Бабушка!

— Ты откуда вышел? — нахмурилась Тан Чуньсин. — Он же больной!

— Это не заразно, — холодно сказала Жуань Сюлянь.

— Я просто переживаю... Причёска какая растрёпанная...

— Нет! Это дядя сделал! Мне надо в туалет!

— Иди.

Тан Чуньсин пробормотала:

— Как они так сблизились...

Позже Лю Мэн рассмеялся, увидев причёску, и Ся гэр надулся. Только когда Сун Тинчжу снова причёсал его — он снова заулыбался.

— Жена, вот деньги, которые я сегодня заработал.

Вечером Лю Ху протянул Сун Тинчжу сорок медных монет, заработанных за день, а вместе с ними — свёрток с османтусовым пирожным.

— Я ещё потратил пять монет на это пирожное для тебя. Из «Сыфан Чжай» пока не могу позволить, но когда заработаю больше — обязательно куплю.

Мужчина держал свёрток, заметно нервничая.

Пирожное с османтусом было куплено в лавке мелких товаров — по две монеты за штуку. Хозяин, видя, что уже поздно и почти всё распродано, отдал последнее за полцены.

Пирожное было дешёвым, рассыпчатым и, конечно, не шло ни в какое сравнение с изысканными сладостями из «Сыфан Чжай». Но всё же лучше, чем ничего. Он переживал, понравится ли оно жене.

Сун Тинчжу, не догадываясь о его мыслях, принял монеты, убрал их в кошель, затем развернул бумагу и отломил маленький кусочек рассыпчатого пирожного.

Лю Ху внимательно следил за ним, боясь, что ему не понравится.

Попробовав, Сун Тинчжу улыбнулся:

— Вкусно.

Хотя тесто было суховатым и слишком сладким, ему оно показалось приятнее любых изысканных лакомств, что он пробовал прежде.

Увидев, что он заворачивает остаток обратно, Лю Ху встревоженно спросил:

— Почему ты больше не ешь?

— Оставлю на завтра, — с улыбкой ответил Сун Тинчжу. — Поделюсь с Сяомэй и Ся гэр.

Лю Ху, держа в руках миску с лекарством, глуповато усмехнулся:

— Тогда я пойду помою посуду, а потом принесу горячей воды — ноги погреешь.

— Подожди немного.

Сун Тинчжу, укутываясь в одеяло, немного смущённо спросил:

— У вас дома есть деревянная кадка?

— Есть, на кухне. Зачем она тебе?

— Не ведро... оно слишком маленькое, — щеки Сун Тинчжу покраснели, он отвёл взгляд и тихо добавил: — Я хочу немного помыться...

В тот день, когда его отправили в дом Лю, он сильно вспотел. А последние два дня был слишком слаб, чтобы что-то делать, лежал в постели. Сегодня, почувствовав себя немного лучше, он наконец осознал, насколько грязным себя ощущает — даже появился лёгкий запах.

Он всегда любил чистоту. В доме Сун бабушка Лю и Хэ гэр помогали ему умываться. Здесь же, в незнакомом месте, новый муж казался добрым и простым, но просить его было неловко. Однако сегодня он уже не мог терпеть.

Лю Ху, человек прямой и простодушный, не придавал этому особого значения:

— В комнате слишком холодно. Я разожгу жаровню, согреется — тогда принесу воды.

— Хорошо.

У семьи Лю была жаровня, но дров было мало. Мужчины целыми днями работали, а за заготовку дров отвечал Лю Дашэн — он хромал после старой травмы. Дров едва хватало на готовку, а топить для тепла могли лишь изредка.

Когда Сун Тинчжу только приехал, Жуань Сюлянь разок растопила жаровню, а потом, отдав ему свои одеяла, больше её почти не использовали.

Пока он думал, Лю Ху уже принёс в комнату разожжённую жаровню.

Тепло сразу разлилось по телу.

Сун Тинчжу высунул руку из-под одеяла и поднёс её к огню. Когда Лю Ху вернулся с горячей водой, он украдкой взглянул на высокого мужчину перед собой — щеки его вновь покраснели.

Снаружи стоял мороз, он не мог попросить его выйти. На кухне было тепло, но они ведь муж и жена. Если сказать такое — искренний Лю Ху может обидеться.

Сун Тинчжу колебался.

А Лю Ху и не думал уходить. Он закатал рукава и подошёл, его честное лицо было совершенно лишено каких-либо посторонних мыслей.

— Жена, не двигайся. Я помогу тебе умыться.

У Сун Тинчжу помутилось в голове, лицо вспыхнуло, и он запинаясь проговорил:

— Н-не нужно... я сам...

Лю Ху нахмурился:

— Нет. Ты слишком слаб, долго стоять не сможешь.

Он был непреклонен — казалось, скажи Сун Тинчжу ещё слово, и тот просто унесёт кадку.

После долгих колебаний Сун Тинчжу всё же уступил.

Они ведь муж и жена. Нечего стесняться... К тому же в брачную ночь Лю Ху уже помогал ему переодеваться. Один раз или два — какая разница...

Но тогда он был без сознания.

Сейчас же он всё чувствовал.

Сжимая одеяло, Сун Тинчжу крепко зажмурился, его ресницы дрожали от каждого движения Лю Ху.

Грубые, покрытые мозолями руки мужчины время от времени касались его спины, заставляя тело невольно вздрагивать. От этой непривычной близости сердце начинало беспокойно биться.

<http://bllate.org/book/17218/1614138>